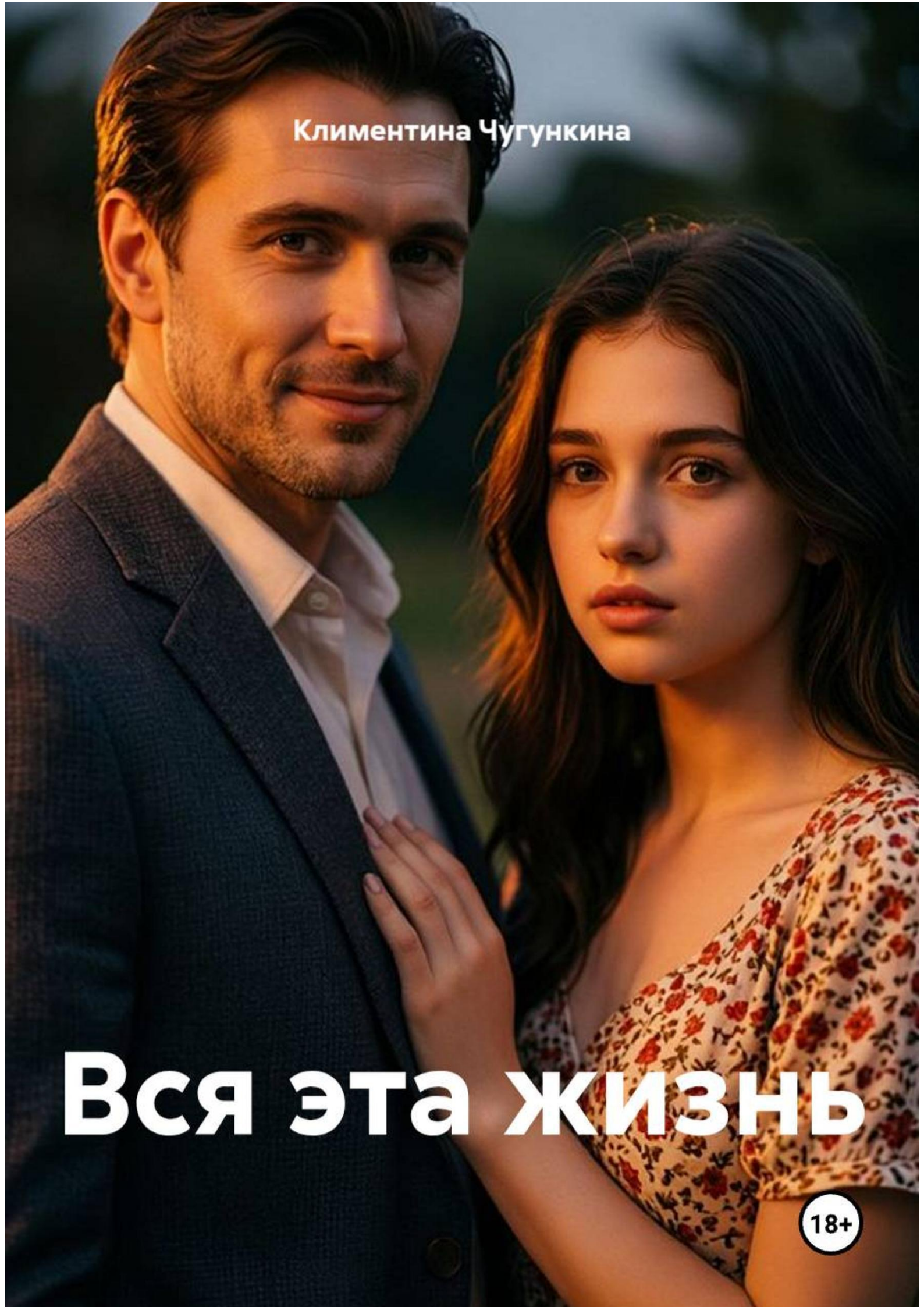

A man and a woman are shown in a close-up, romantic pose. The man, on the left, has dark hair and a light beard, wearing a dark suit jacket over a white shirt. The woman, on the right, has long, wavy dark hair and is wearing a floral-patterned top. They are both looking towards the camera. The background is a soft, out-of-focus sunset or sunrise scene with warm orange and yellow light. The overall mood is intimate and romantic.

Климентина Чугункина

Вся эта жизнь

18+

Климентина Чугункина

Вся эта жизнь

«Автор»

2026

Чугункина К.

Вся эта жизнь / К. Чугункина — «Автор», 2026

Он - знаменитый, богатый, талантливый. Она не менее талантлива, но не богата и не столь знаменита. У него - постоянные разъезды и гастроли. У неё - заказы, которые можно выполнять на дому. Одна встреча переворачивает жизни обоих. Он больше не мыслит себя без неё. Она вынуждена хранить страшную тайну о своём прошлом. Жизнь многогранна, но настоящую любовь встречаешь только раз. Однако любовь не всегда царит в сердцах двоих до последнего вздоха.

© Чугункина К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Она	5
2. Он	7
3. Она	10
4. Он	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Климентина Чугункина

Вся эта жизнь

1. Она

- Ну, что ты так долго возишься? Давай скорее! – поторопила подругу Цинни, изнывая от нетерпения в дамской уборной.

Конечно, хорошо привести себя в порядок перед концертом, особенно если на улице дождь и красивые босоножки запачкались, но не торчать же перед зеркалом почти десять минут. Это уже никуда не годится!

Алиша словно бы и не слышала недовольного возгласа своей подруги, неторопливо продолжая подкрашивать губы помадой-карандашом оранжевого оттенка, вся прелесть которой заключается в том, что, нанесённая на губы, она не расползается как помада обыкновенная, не оставляет жирного следа и не растекается как блеск.

Цинни взглянула на своё отражение. Она тоже была чудо как хороша. Выглядит на все сто и без всяких подкрашиваний губ. Не каждой девушке повезло быть обладательницей столь симпатичной моськи. Большие синие глаза и волнистые, очень блестящие тёмные, но не чёрные, волосы – приятный контраст для глаз окружающих. Особенно если они противоположного пола. Вдобавок и носик у неё прямой, маленький и аккуратный. Все черты лица правильны, а рот изящный. Совсем не такой, как большинство девушек в нынешние времена себе делают – с огромными губами. Непонятно, кого они пытаются привлечь подобными «улучшениями»? Да, в поклонниках она не знала недостатка с юных пор, но ей всегда хотелось отыскать одного-единственного и на всю жизнь. Однако до сих пор подходящего кандидата она себе так и не подобрала.

- Долго ты ещё, нет? – поторопила её Алиша, дёргая на себе связку браслетов, которыми заполнила запястье – почти бессознательный жест, демонстрирующий волнение.

Цинни и не заметила, что глубоко задумалась.

- Я готова, - отозвалась она. – Тебя жду.

Девушке стало неловко. Она не любила заставлять ждать других. Пусть даже лучшую подругу, которой, впрочем, было наплевать, что концерт вот-вот начнётся. В уборных Алиша всегда так долго возилась, ей нравилось кривляться со своим отражением, и она ничего не могла с этим поделать. Да и не хотела. Она должна была быть уверена, что выглядит обворожительно во всех смыслах. И что, как не зеркало, могло помочь ей убедиться в этом?

Подруги вернулись в холл и оттуда уже направились в зрительный зал Дворца искусств. Сегодняшнее кабаре-шоу называлось «Отпляши по-рок-н-рольски» и обещало стать возвратом в лихие пятидесятые – молодые годы наших бабушек и дедушек. Очень многие из зрителей пришли в красивых нарядных платьях, с броским макияжем, причёсками. Но девушки выделялись среди всех своей элегантностью и отменным вкусом. Это Цинни помогла Алише подобрать себе образ. У неё был врождённый вкус – врождённое чутьё, как сногшибательно выглядеть без толики вульгарности.

Цинни выбрала себе одежду и украшения в серебристо-серых оттенках, а подруге достались песочные тона, потому как кожа у неё была смугловатой, а волосы угольными и выющимися.

В обеих жажда жизни и интерес ко всему новому били через край, а потому они сразу принялись осматриваться.

Зрительный зал выглядел как миниатюрное здание старинного вокзала. Потолок шатровый, купольный. Стены и пол выдержаны в багровых тонах. Свет приглушён. Ряды состояли не

из типичных кресел, а из складных стульев, которые раскладывались полностью, стоило только человеку откинуть сидушку. Многие уже сидели на своих местах, другие же застряли в буфете, несмотря на то, что вот-вот должны были дать третий звонок.

- Какие у нас места? – поинтересовалась Цинни.

- Иди за мной, - только и ответила Алиша.

Она позвонила подруге всего день назад с радостным известием, что только что раздобыла билеты на самое лучшее шоу, которое только может быть, а так как она очень ценит свою подругу, то именно ей и предлагает второй билет. Подобная тематика представления вряд ли привлекла бы Цинни, натура была другого характера, предпочитающая всё новаторское и экспериментальное, но она уже очень давно никуда не ходила и дала своё согласие незамедлительно.

Ей уже тут нравилось, а значит, она не зря согласилась.

Места у них оказались очень даже неплохие – на шестом ряду прямо по центру. Со сцены вглубь зала был выдвинут помост, занимающий центральную часть первых четырёх рядов, так что лишь один ряд отделял их от края помоста, куда должны были выходить солирующие артисты, иначе этого помоста не было бы тут вовсе.

Что удивительно, на сцене, помимо микрофонов в винтажном стиле, уже присутствовали инструменты, а значит, их ожидало живое музыкальное сопровождение. Ударная установка, контрабас, две обычных гитары и одна басовая, даже саксофон дожидались своих владельцев и возможности зазвучать.

Алиша уткнулась в программку, которую успела приобрести по пути у капельдинера. Цинни подобные вещи не интересовали, потому что она не слишком увлекалась подобными мероприятиями.

- О! Ты только посмотри! И он сегодня здесь! – Алиша ткнула пальцем в одну из фамилий.

- О ком именно речь?

- О контрабасисте Азизе. Я хорошо его знаю. Он ведёт очень интересный блог о различных музыкальных инструментах. И большой талант. Виртуоз. Маэстро. Если это слово применимо не только к дирижёрам. Когда играет – это нечто неопишемое. Сама увидишь. Вернее, услышишь.

Тут раздался оглушительный третий звонок. Опаздывающие зрители массово устремились к своим местам. Свет начал постепенно затухать.

Сперва вышли музыканты. Цинни сразу обратила внимание на контрабасиста лишь потому, что её подруга упомянула его. Честно сказать, на лицо более симпатичными в её глазах показались гитаристы, да и волосы у них были именно такие, какие она предпочитала видеть у мужчин. Контрабасист же был совсем коротко стрижен. А ещё жилист и очень высок. Единственное, что отличало его от всех прочих музыкантов и сразу бросалось в глаза, это то, насколько хорошо он был одет – не просто в какую-то бесформенную тёмную робу, а в очень элегантные коричневые туфли, рубашку с коротким рукавом, жилет в тонкую полоску, и даже на шею повязал галстук-бабочку чуть более светлого оттенка, чем жилет. Она отметила его вкус, присутствующий в той же мере, что и у неё самой.

Потом, когда уже началось шоу, она несколько раз посматривала на него с интересом и оценкой. Вернее, на его руки, так и порхающие над грифом столь солидного и важного инструмента, как контрабас. У него были очень крупные руки с очень длинными пальцами. Инструмент в самый раз для его рук. Величина этих рук прямо-таки бросалась в глаза.

В общем и целом зажигательное кабаре в рок-н-ролльском стиле Цинни увлекло, хотя она предполагала, что может оказаться скучно и по-старомодному. Талантливые артисты преподносили всё очень даже современно и зажигательно. Впечатлений должно было хватить на несколько недель вперёд.

2. Он

До клуба «Три кота» пришлось добираться чуть ли не целый час. День был воистину пре-восходен, и жаль было упускать возможности прогуляться по чужому городу и отыскать что-нибудь интересненькое в его архитектуре, тем более что в первый свой визит сюда он прибыл в составе группы почти перед самым выступлением, а после него сразу нужно было спешить на поезд, и он вообще ничего не успел увидеть. Можно было доехать и на такси, но он поступал так лишь, когда не хватало времени или погода была плохая, предпочитая передвигаться общественным транспортом, так как это давало возможность наблюдать за жизнью незнакомого города как простой пассажир, а не знаменитость, а порой и внимательно изучать характеры попутчиков в салоне. И это несмотря на чехол с инструментом в руках или за спиной. К его габаритам привыкаешь довольно быстро, и он уже не становится помехой. Скорее, воспринимается как часть самого себя. Куда ты, туда и твой контрабас.

Был май, но на улице стояла шикарная летняя погода. Костюм для выступления в кофре, контрабас за спиной. Раз-два, раз-два – идёшь себе, и всё прекрасно. Клуб уже показался в конце пути. И хотелось, и не хотелось заходить внутрь. С одной стороны, было бы желательно продолжать оставаться на открытом воздухе и нежиться под тёплыми лучами солнышка, но, с другой, нужно было порепетировать и с ребятами познакомиться. Все с разных городов собрались ради сегодняшнего вечера, поэтому и съезжались поодиночке.

Ещё несколько минут, и он оказался внутри. Охрана на входе даже не поинтересовалась, кто он. Либо дело было в его инструменте, а такая махина незамеченной не останется, либо, как обычно, его знали в лицо, ибо тот, кто ведёт блог, так же хорошо известен людям, как и популярные киноактёры.

Пространство клуба оказалось довольно камерным, поэтому он не заплутал, а почти сразу попал в зал, где уже суетились техники, и даже бармен находился на своём рабочем месте, ставляя бутылки. Атмосфера царила довольно приятная. Впрочем, в жизни артиста, а любой музыкант – это артист, не может быть иначе. Его везде любят и ждут.

- Азиз Казир? – обратились к нему за его плечом.

Азиз обернулся и увидел приятную на лицо женщину вдвое старше себя.

- Я Роза, менеджер этого клуба. Идёмте со мной. Я покажу вам комнату, где вы сможете переодеться и подготовиться к концерту.

Уже очень скоро талантливый музыкант-виртуоз познакомился со всеми, с кем ему предстояло выступать на сцене. Это был Ларри, долговязый ударник, которому нравилось вращать барабанную палочку в пальцах до такой степени, что он с ней не расставался. Джошуа-пианист, у которого возникла какая-то проблема с девушкой, а потому он полностью погрузился в экран смартфона и едва среагировал на прибытие новенького. На лице его явно отражалась печать тревоги. Жульетт-скрипачка – очень миловидная девушка, которая тоже пыталась привлечь к себе больше внимания при помощи социальных сетей. Она сразу же попросила позволения сделать селфи с Азизом и тотчас же выложила снимок на своей страничке. Мультиинструменталист по части духовых Карабас. Азиз не попытался выяснить, настоящее ли это имя или творческий псевдоним. Каждый волен сам представляться, как ему вздумается. Главное, что публика сегодня будет слушать и ирландский вистл, и греческую флейту Пана, и американский кларнет.

Ребята все оказались приятными и очень дружными, а потому он почти сразу спросил у них, не согласятся ли они принять участие в его репортаже. Он хотел показать подписчикам, как проходят репетиции до начала представления. Его предложение бы воспринято с живейшим энтузиазмом. Молодые музыканты (по возрасту все моложе его) охотно рассказали о своих инструментах несколько слов. Не обошлось и без дурачеств. И даже некоторого конфуза,

когда молния на его чехле застряла и не пожелала раскрываться до конца. Пришлось применить пассатижи. Разумеется, всё это было заснято, а позднее будет смонтировано и размещено для публичного доступа.

Вообще странно, что с чехлом такая неприятность приключилась. Ему ещё и месяца не было. Этот чехол ему подарил один из поклонников взамен старого. К подарку была приложена записка, почему выбор пал именно на чехол. Эта модель, на взгляд поклонника, лучше старой – в ней больше карманов и сильнее защита от сотрясений, а ещё имеются съёмные колёсики. Азиз оценил карманы и колёса, а защиту считал хорошей и в своём старом чехле. Но, как выяснилось, эта модель была отнюдь не долговечной. Хорошо, он свой старый чехол не выкинул. Поклонники ему после каждого выступления что-нибудь дарят. Это очень мило с их стороны, потому что они уже потратились на билет, а тут ещё и дополнительный расход, а всё потому, что им хочется его порадовать. Роза обещала придумать что-нибудь за время выступления, чтобы он мог довести инструмент до дома надёжно. Помимо отпаривателя, в гримёрке имелся и закуток со швейными принадлежностями, чтобы артисты могли в случае чего подлатать свои костюмы. Так что и контрабас без защитной одежды на обратном пути не останется.

Перед каждым выступлением Азиз всегда испытывал лёгкий восторг. Так повелось ещё с детства. Это ни с чем не сравнимое ощущение, когда в последние секунды понимаешь, что все ждут именно тебя, и потом всё внимание тоже приковано к тебе одному, к тому, что ты делаешь для других, и этот процесс оказывает влияние, и затем уже от благодарных слушателей ты сам получаешь отклик их аплодисментами, их вниманием, их словами похвалы и благодарности, и это очень хорошо мотивирует к тому, чтобы расти, чтобы играть ещё лучше. Получается такое взаимодействие в процессе творчества: ты влияешь на умы людей своей музыкой, а они влияют на тебя, «переваривая» эту музыку внутри себя.

Клуб «Три кота» был камерным, как он уже отметил, как только появился в нём, однако смог вместить в себя приличное количество народу. Как это обычно бывает именно в клубах без полулегального наполнения платным содержанием, большинство публики составляли девушки. Даже если он впервые где-то играл в незнакомом городе, на его выступление всё равно приходили молодые хихикающие девицы, которые его знали уже либо по блогу, либо по концерту, на котором присутствовали ранее. Если же он приезжал повторно, то людей, слышавших его прежде, приходило уже гораздо больше.

Девушки всегда одинаковые, независимо от города, в котором проживают. По крайней мере, хотят они одного и того же. Обратить на себя его внимание. Он прекрасно понимает, каким завидным женихом является в их глазах. Богатый, талантливый. Уже за одно это его можно любить. Или не любить, а только делать вид. Его часто не бывает дома из-за концертов и гастролей, можно жить в своё удовольствие и тратить его деньги на себя. Именно поэтому он всегда охотно задерживается после выступления, дабы поприветствовать самых преданных поклонников, ответить на вопросы, сфотографироваться с ними, но никогда никого не приглашает на свидания, ни с кем не гуляет, не принимает ничьих предложений, а проводит свободное время только с немногочисленными близкими друзьями, в чьих искренних намерениях уверен. Он нужен девушкам только из-за своей славы и материального положения. Но нужны ли ему такие девушки в качестве подруг жизни?

Он занял своё место на сцене, продемонстрировав инструмент публике в наилучшем виде, и вскинул глаза в зал. Взгляд его невольно выхватил из толпы девушку. Девушку, от которой словно бы исходило сияние, которое он один был способен уловить. Она выглядела столь элегантно, что у него перехватило дыхание. Изысканное чёрное платье, а на груди брошка в виде розы, обсыпанной искусственными бриллиантами. И макияж, и причёска вместе с платьем представляли собой одно целое. Она словно бы явилась из послевоенной эпохи сороковых. Она одна была такая. Тот же утончённый стиль и любовь к старине, что и у него самого.

Никто так больше не одевался. Никто. Он не замечал. Девушки либо вульгарно вырядятся, думая, что, тем самым, привлекут его внимание, либо отличаются полной безвкусицей и выглядят нелепо. А ещё есть неряхи, к глубочайшему прискорбию и сожалению.

Но эта... Эта достойна смотреться с ним на одном снимке так, что вовсе не знающий их человек подумает или скажет: «как замечательно эти молодые люди смотрятся вместе!».

Он бросал на неё взгляд то и дело, одновременно и надеясь, что никто этого не заметит, и внушая себе, что каждый в зале обычно думает, что либо артист на сцене смотрит в никуда, либо конкретно на тебя. А она даже музыку воспринимала не так, как другие. Было видно, что концерт доставляет ей удовольствие, но она не стремилась демонстрировать свои ощущения всем окружающим. И это было более приятно, чем видеть людей, которые в своём экстазе мешают другим. Двадцать первый век не означает, что нужно забыть о воспитанности и манерах.

Когда первое отделение закончилось и начался антракт, он взял в руки свой планшет. Иногда в антрактах он отвечал на сообщения поклонников, если было настроение. Вот и сейчас решил. Но побудила его к этому такая мысль, в которой он бы даже себе не признался: а не напишет ли ему что эта незнакомка? Вдруг захотелось больше узнать о ней. Но, к сожалению, а случается так почти всегда, ему писали только постоянные его почитатели.

Во втором отделении он вновь увидел её на прежнем месте, но уже столько внимания уделять ей не мог – все его партии отличались особой виртуозностью и требовали полной концентрации. Он думал, что она останется после концерта, но – увы! – этого не произошло.

Снова вернулся в Сеть он только уже глубоко за полночь. Хотел смонтировать самое последнее видео и выложить на своей страничке. Однако уже появилось несколько комментариев к его последнему посту, где он опубликовал анонс только что отыгранного концерта в «Трёх котах», и он первым делом переключился на них.

Ему всегда было интересно узнавать реакцию зрителей. Порой он даже что-то корректировал в соответствии с их пожеланиями, а иногда создавал нечто новое на основе предложений, которыми они с ним делились.

Он сразу узнал эту девушку, несмотря на то, что на аватарке она выглядела несколько иначе, более причудливо и эффектно. Вот, что она писала:

«Невероятный вечер. Мне всё очень понравилось! Большое спасибо талантливым музыкантам за такую мощную энергетику. Ваш концерт забудется нескоро. Приезжайте ещё».

Стандартный набор фраз, но всё же...

Он всегда отвечал. Всегда. И всем. За редким исключением игнорируя только провокации и попытки оскорблений от не вполне адекватных личностей. Не видел смысла реагировать на подобное. С такими прекрасно справлялись его поклонники. Он не вмешивался.

«Большое спасибо! Были очень рады стараться. До новых музыкальных встреч!»

Отправив сообщение, он вернулся к видео, отснятому за сегодняшний более чем успешный вечер.

Всё-таки какая девушка... Необыкновенная! Побольше бы таких.

Сейчас уже не так одеваются, как прежде. Сейчас уже всё меньше и меньше красавиц. Все превращаются в сплошную серую массу, носящую бесформенные одеяния, которые почтиаются за модную одежду.

Всё-таки какая девушка...

3. Она

Не знаю, как это произошло. Всё начало складываться само собой. Я написала, он ответил; я написала, он ответил. Потом мои комментарии стали подробнее и полнее, его ответы тоже. Потом у него случился день рождения, я не могла не отправить ему поздравление лично, и вот мы уже пишем друг другу почти каждый день как пара добрых друзей.

Тот блог, что он вёл – это удивительная по качеству работа. Я бы никогда не подумала, что мир музыкальных инструментов может быть таким увлекательным. Что ни инструмент, то какая-нибудь интересная либо полезная информация, связанная с ним. Почти у каждого своя история, и преподносится она очень занимательно. Каждое его видео смотрится с самым живым интересом, а снимает он на очень достойном, профессиональном уровне. С ним не бывает скучно, даже если он повторно показывает какое-либо место, потому что в его репортажах всегда находится место чему-то новому, на что стоит обратить наше внимание. Он заставляет зрителей замечать красоту там, где обычно все мы просто проходим мимо.

И я нисколько не превозношу его. Достоинства его блога отмечены многими. Азиз Казир невероятно талантлив во всех смыслах, не только как музыкант-виртуоз. И для меня честь считаться его другом, его добрым другом, с которым он общается приватно не только на темы музыки. Даже на расстоянии он оказывает на других влияние. Хочется стать лучше. Хочется достигнуть его уровня хоть в чём-то. Всё, что он делает, это просто, но профессионально. Вот такой вот дуализм. Его профессионализм прост, а простота профессиональна.

Конечно, я была очень удивлена и обрадована, когда узнала, что он снова приезжает в наш город. Причём узнала я это из афиши филармонии. Мне лично он этого не сообщил, хитрец!

Билеты раскупались быстро, но я успела приобрести на хорошее место.

Площадки, где он выступал, почти всегда собирали аншлаги. Всё-таки знаменитость, пусть контрабас и не такой уж значимый инструмент, как, к примеру, скрипка или гитара. Но то, что он вытворял со своим инструментом, было не описать словами. Под его руками контрабас оказывался куда подвижнее скрипки. У других музыкантов он только и мог, что говорить своим гнусавым басом, но у Азиза контрабас, этот великан струнных, именно пел: и сладко, и заунывно, и сильно, и жалостливо, в общем, в полном спектре всех человеческих эмоций. Редко какой музыкант так играет даже на фортепиано. Он получил не только хорошую исполнительскую школу в своей консерватории. В нём от природы присутствовал большой талант.

Я ему, разумеется, написала, что с удовольствием приду на концерт и уже приобрела билет. Он сначала долго молчал (Как он мне объяснил, иногда он просто не имеет возможности всем сразу ответить, всё же постоянно в разъездах, и я прекрасно понимала его. Окажись я в подобной ситуации, просто была бы не способна всем отвечать.), а потом написал мне следующее:

«Задержитесь, пожалуйста, после концерта. Очень хочется сделать с вами фотографию».

Он писал мне на «вы» до сих пор. Поначалу мне казалось это странным, особенно в личной переписке, но потом я поняла, что такая дистанцированность есть лишь свидетельство того, что он уважает личное пространство другого человека, и уже воспринимала его манеру вполне обыденно.

Его просьба меня несколько и порадовала, и удивила. Приятно, конечно, когда большой артист просит тебя об услуге. Ему подобные в массе своей такие снобы – несколько с пренебрежением относятся к простым смертным да ведут себя обычно так, будто все им должны. Азиз же к любому человеку относился как к равному себе. В этом плане его упрекнуть было не в чем. А удивилась потому, что не понимала, зачем ему нужен был наш совместный снимок. Я была в курсе, что он всегда задерживается после концертов, чтобы пообщаться с поклонни-

ками, и поклонники постоянно просят его сфотографироваться с ними, но я не имела понятия, просит ли он сам кого-то о подобной услуге. Подписчиков у него было более пятнадцати тысяч. Ясно же, что не только я одна состою с ним в личной переписке, а значит, верно предположить, что он и других мог просить о том же. Быть может, у него уже целая коллекция снимков на добрую память с теми именно людьми, что ему симпатичны.

Одно я знала точно. Абы кого он не стал бы просить сфотографироваться с собою. А значит, я ему приглянулась чем-то. И это было хорошо.

Никогда не возражала против новых дружеских отношений с достойными людьми.

За несколько дней до его приезда к нам он вообще перестал отвечать на мои сообщения, но я всё равно продолжала писать свои мысли по теме его репортажей. Я знала, что, даже если он не отвечает, то всегда читает, что ему пишут. От меня же читать ему вдвойне приятнее. Ну, хотелось в это верить. Всё же я не обладала способностью читать мысли других людей. Разумеется, если бы было наоборот, мы бы с ним столь тесно не общались. Всё же он занятой человек.

Концерт обещал быть восхитительным, как и обычно. Азиз был из тех музыкантов, из тех творческих людей, ведь подобные способности встречаются не только в области музыки, но и вообще в любом виде Искусства, кто способен в равной степени проявлять себя в разных жанрах. Он мог быть и частью оркестра – большого либо малого – на открытых площадках в честь какого-либо мероприятия; мог выступать в каком-нибудь камерном клубе в составе джаз-банды; мог быть солистом квартета какого-либо тематического шоу, того же рок-н-ролла. Однажды выступал он даже в столичном метро – была такая программа необычная, где известные музыканты выступали как простые смертные на станциях метро. Всё, за что он ни брался, выходило у него самым наилучшим образом. Кто-то скажет, что такого в природе не бывает, но таким стоило бы самим оценить концертную деятельность Азиза Казира, дабы уверовать. Редко, но бывает.

В этот раз в нашей филармонии был вечер, посвящённый экспериментальной музыке двадцатого века. Помимо контрабаса, на сцене присутствовали рояль и терменвокс.

Всё прошло на высшем уровне. Во время исполнения номеров в зале царил мёртвая тишина, а по завершении публика рукоплескала и, чем ближе к концу, тем ожесточеннее. Это ли не признак похвалы? Я приготовила небольшой подарок своему доброму другу и вручила при последних поклонах. Для меня это было в новинку – преподносить дар артисту публично при всех, но не только я одна решила совершить сегодня подобное деяние. Со всех уголков зрительного зала благодарные слушательницы несли своему любимцу подарки, которые охотно принимались с улыбкой на устах и словами благодарности. Но дарили только Азизу. Двое других исполнителей стояли как бы ни при делах, хотя и у них тоже были очень сложные и ответственные партии. Я подумала, что им должно быть несколько обидно, хоть они и не показывают этого внешне, и решила, что в следующий раз, если что решу подарить, так непременно всем.

Публика начала расходиться. Я дожидалась у своего места, пропуская остальных. Через сколько времени в зал вновь планировал выйти Азиз, мне было неизвестно, но я была уверена, что он не из тех артистов, что заставляют ждать своего возвращения на поклоны с четверть часа, получая от этого какое-то извращённое удовольствие.

Не прошло и минутки, как я увидела Азиза вновь. Разумеется, его добрая душа не позволила ему вернуться в одиночку, и он вытащил с собой своих коллег. Я сразу догадалась, что они сейчас чувствуют себя менее уверенно, чем на сцене. У первых рядов уже толпились поклонники, с нетерпением ожидая момента обмолвиться словечком со своим кумиром. И опять на коллег Азиза мало кто обращал внимание, воспринимая их скорее как его свиту. Мне хотелось сказать каждому из них какое-либо слово похвалы, но я не знала, уместно ли это, ведь мы не были знакомы. Они были артистами, а я всего лишь простой посетительницей филармонии, поэтому я неловко застыла у своего кресла, не смея дальше и шагу ступить.

Меж тем встреча с поклонниками продолжалась. В девчачьей толпе была всего лишь пара молодых людей, а девицы все как одна говорили глупости, просили о совместном селфи, а потом исчезали, заполучив главный трофей в свои руки, которым затем намеревались хвастаться направо и налево, демонстрируя свою удачу, пока не произойдёт чего-нибудь ещё, что может добавить им популярности.

Честно сказать, мне стало жаль Азиза. Вся эта импровизированная встреча выглядела донельзя нелепо. К нему относились как к какой-то диковинной зверушке, которая прибавляет веса и значимости самой себе. Ни одна не задала ему какого-либо стоящего вопроса. Я только и слышала, что «я ваша самая преданная поклонница», «я не пропускаю ни одного вашего видео и так горжусь этим», «я так долго ждала возможности сфотографироваться с вами». Эти банальности он слышал в сотый или тысячный раз уже.

Поток особо нетерпеливых поклонниц иссяк. В сторонке переминались девушки и дамы поскромнее.

Азиз всецело обратил своё внимание на меня. Никакая другая его уже не интересовала.

- Глициния! – он протянул мне руку, в которую я с удовольствием вложила свою.

А дальше произошло то, чего я совершенно не ожидала. Он приобнял меня. Дружески, но так, словно мы знакомы тесно очень давно. Почти так и было, только виртуально. Конечно, это было приятно и несколько льстило моему самолюбию. Среди всей этой кучки воздыхательниц не нашлось ни одной, к кому бы он полез обниматься. Это прямо говорило о том, что я значу для него куда больше, чем все они вместе взятые.

Я оценила ткань его добротного смокинга. Это был тот самый знаменитый смокинг, у которого подкладка была пошита из пёстрых шёлковых лоскутов. Скольким дамам он позволял прикоснуться к себе?

Он отстранился, но мою руку не перестал удерживать в своей. Я подсознательно обратила на это внимание, хотя мы улыбались друг другу, а наши глаза вот-вот собирались заговорить.

- Спасибо за чудесный концерт! Приезжайте ещё, - сочла нужным сказать я это, потому что не знала, что следует правильно говорить.

За всю свою жизнь я никогда не оставалась после концертов и спектаклей и уж тем более не имела бесед с исполнителями.

- Приду, - он, наконец-то, выпустил мою руку.

О, он так на меня смотрел...! Вообразила ли я такой взгляд? Но ведь его сразу видишь и понимаешь. Пару раз в моей жизни мне уже встречались подобные взгляды...

- У вас замечательный блог. Очень живой, интересный.

- О! Вы знаете... Я всегда читаю ваши комментарии. Даже если ответить не могу, то всегда читаю.

- Так я их и пишу, потому что это всё мне интересно, что у вас есть и происходит.

Я читала по его лицу, что он пытается подобрать какие-то слова, но не находит их. Столь известный музыкант, имеющий сотни концертов и привыкший к выступлениям, не знал, что мне сказать. По меньшей мере, мне показалось это странным, ведь он сам же и пригласил меня задержаться после концерта, а по переписке мы общались более чем легко.

- Я всегда читаю, - повторил он после некоторой заминки.

- Может, сфотографируемся? – предложила я. Не хотелось, чтобы и другие начали обращать внимание на его странное поведение. – Вы вроде как хотели сделать со мной совместную фотографию.

Я не упустила возможности указать, что это именно он хотел сфотографироваться со мной. Есть столько людей в разных городах, для которых совместная фотография с ним – источник желанной цели, но вот мне подобное было совершенно ни к чему. Вот не было во мне всего этого. Никогда ни от кого не фанатела и не была зависима. Быть может, от того,

что я своего рода тоже творец. Лишь мне одной совершенно не нужна была эта совместная фотография. Меня вполне удовлетворяла краткая встреча с добрым другом.

- Да, конечно, - спохватился Азиз. – На вашу камеру или на мою?

- На вашу будет лучше, – я вновь дала понять, что фотография нужна именно ему.

- Хорошо. Я вам потом обязательно перешлю.

Для меня это было вовсе не обязательно, но если ему так хотелось, то...

- А можно вместе с вами и вашими коллегами?

Это было бы более справедливо, это раз. Во-вторых, не хотелось давать понять, что, как прочие, готова удовлетворить любую его просьбу.

Он ничем не показал своего недовольствия, даже если оно было.

- Родриго, Валькер, с вами тут сфотографироваться хотят, - поманил он коллег.

Подпирающие всё это время стенку молчаливые музыканты нехотя от неё отстранились. Я вновь пожалела о том, что не додумалась принести подарки и им тоже.

- Рада видеть вас в нашем зале! – я первая протянула им руки, решив приободрить. – Вы великолепно играли!

Они не ожидали, что кто-то проявит к ним столь повышенный интерес, но на рукопожатие ответили. Их приветствие было совсем не таким, как у Азиза. Они лишь слегка сжали мои пальцы и только.

Азиз любезно попросил какую-то даму из ожидающих в очереди сфотографировать нас. Посчитав, что исполнила свой долг по отношению к данному обещанию, я сказала музыкантам до свидания и ещё раз пожала всем руки на прощание. Мне показалось, что Азиз не хочет меня отпускать, но лишь показалось.

Собираясь уходить, успела увидеть, что несколько человек обступили пианиста, проявляя к нему тот самый интерес, которого он тоже заслуживал. Я была довольна, что мой пример оказал положительное влияние на других.

Но, уходя, меня всё мучил вопрос, почему у Азиза оказалось столь странное поведение. Мы так обрадовались, когда узнали, что сможем увидеться на этом концерте. Мы так долго ждали этого дня. Он захотел на память наш совместный снимок. Но он едва ли сказал мне что-то толковое. Вряд ли он хотел только меня увидеть. Но и сказать ничего не смог, даже если хотел. Так считать ли нашу встречу удачной? И была ли это робость с его стороны по отношению ко мне? Мог ли так глупо вести себя человек столь знаменитый, пример для других, образец для подражания по отношению ко мне, которая не была знаменита и ничем не прославилась?

Я терялась в догадках. У меня не было ответов. Но я чувствовала, что у нас это не последняя встреча, что рано или поздно мы встретимся вновь.

4. Он

Глициния – самая удивительная девушка, которую я когда-либо встречал. Да, она привлекла меня внешне – своей непохожестью, своим отменным вкусом – когда я её совершенно не знал: ни имени, ни кто она. Но потом судьба проявила благосклонность и свела меня с нею ближе, я начал больше узнавать её и сильнее ценить, потому что она одна такая во всём целом мире.

Как мне казалось до знакомства с нею, я с юности понял, что из себя представляют девушки. Им всегда было что-то нужно от парня, с которым они гуляют. В первую очередь, его траты на неё. А затем его внимание на неё, заключающееся в том, сколько безумств он готов совершить во имя её, доказывая тем самым свою любовь. Мне это было чуждо. Такие вот отношения: ты мне, я тебе. Что тогда давала девушка парню? Своё общество, свою красоту? Возможность потрогать её, потискать? И это настоящие чувства? Всё это можно получить за деньги, если знать места. Поэтому я принял для себя решение ещё в семнадцать лет – оставаться холостяком всегда, не привязываясь ни к кому. Если же вдруг мне по природным надобностям понадобилась бы девушка, я знал, каким образом отыскать и получить то, что мне нужно, и меня это устраивало.

И потом, я с детства всегда был очень занят музыкой, она одна властвовала и царила в моём сердце, а потому я понимал, что тратить силы на девушек бессмысленно, ведь всё равно ни одна из них никогда не будет в моей жизни занимать первое место, а мало какую женщину такое устроило бы.

А потом вдруг я узнал о существовании Глицинии, и это знание расширило границы моего восприятия мира. Я призадумался: а не воспринимал ли до сей поры людей однобоко, имея лишь узкие представления о человеческих отношениях в своей юности? Общения в течение нескольких минут хватило, чтобы Глицинии удалось повлиять на меня сильнее, чем моей матери, которая всю жизнь присматривала за мной.

Она подарила мне то, что сделала своими руками, а такое мне дарят довольно редко. Покупают цветы, сладости – и не важно, самые лучшие и дорогие, или же нет, как каждому позволяет его финансовое положение, ведь я прекрасно понимаю, что не все живут на столь широкую ногу, как я. Мне дарят книги, приглашения на разные мероприятия. Встречаются и творческие подарки: мои портреты, стихи, посвящённые мне – но реже. Однажды в честь меня назвали даже свой катер. Глициния же подарила мне фигурку из глины ручной работы – контрабас. Правда больше похожий на скрипку отсутствием покатым боков, но всё же... Она думала, что такое мне точно понравится, ведь мой инструмент ещё с юных лет стал частью меня самого.

А её отношение к моим коллегам? Сколько такта она проявила в своей простоте общения с ними. Я понимаю, что, как звезда, затмеваю всех, с кем мне приходится разделять сцену, но мало находится зрителей, которые действительно рады пообщаться и с моими товарищами тоже.

Всё это произвело на меня очень сильное впечатление. Мне захотелось ещё больше и полнее узнавать Глицинию. Ведь кем я считал себя? Убеждённым холостяком, знающим жизнь. Человеком без привязанностей. Брак вызывал во мне некоторое внутреннее отторжение. Но теперь начали приходить мысли, что, быть может, человеку не стоит всю жизнь оставаться одному? И найти себе настоящую пару, своего человека – это великое счастье?

Пусть такие мысли и возникали, я старательно отгонял их прочь. Обзаводиться отношениями мне всё равно было ни к чему. Даже если меня сделают счастливым, я не смогу осчастливить свою избранницу. А я не такая гадина, чтобы причинять другому человеку намеренный

вред и боль. Поэтому я репетировал, гастролировал, вёл свои репортажи, и снова пребывал в том вихре калейдоскопа событий, в котором находился всю свою жизнь, сколько себя помнил.

А в переписке относился к Глицинии как к новому другу. Доброму другу, которого я был очень счастлив приобрести. Хороших людей на свете мало. Тех, которых стоит ценить, ещё меньше.

А потом произошло нечто для меня неожиданное. Обычно ведь как? Нечто неожиданное происходит всегда, когда об этом совершенно не думаешь. А если о чём-то усиленно думать, то оно как раз таки и не происходит.

Глициния написала мне, не соглашусь ли я послужить для неё моделью.

«Ваши руки и инструмент – это шедевр. И мне хочется запечатлеть их в вечности».

Так она написала мне, раскрывая мотивы своего замысла.

Смешная девчонка...

У меня никогда не спрашивали разрешения, чтобы нарисовать меня или посвятить мне стихи. Любая другая взяла бы да сделала, а она вот спросила... Она одна такая. И имя у неё непохожее, необычное.

Глициния. Как яркий цветок с прекрасным ароматом.

Несмотря на то, что мы с ней уже довольно давно переписывались, я ни разу не заходил на страничку её профиля, считая это излишним, напоминая себе, что подобное поведение недопустимо для большого артиста. Но после её просьбы мне захотелось чуть больше узнать о ней, чтобы понять, чем именно она занимается, и изучить её деятельность.

Глициния оказалась скульптором. Она создавала удивительные композиции из глины, гипса, воска. Эскизы своих будущих работ вылепляла из пластилина. Я не узнал, училась ли она где-то этому специально или нет (а спрашивать у неё я не собирался, иначе пришлось бы признаться, что я просматривал её страничку), но всё, что выходило из-под её рук, мне нравилось. Это не было теми корявыми изделиями, которые создают некоторые личности, а потом ожидают восхваления, мысля о себе чуть ли не как о гениях.

Разумеется, после таких открытий своё согласие послужить моделью я дал. Но в любом случае я дал бы его. Ведь если человек пишет мне лично и просит о сотрудничестве, я охотно выполняю его просьбу. По крайней мере, этим я старался убедить самого себя. Глубоко же внутри я знал причину согласия.

О чём бы ни попросила меня Глициния, она получила бы моё согласие.

И это меня пугало.

Ей я ответил, но уточнил, что потребуется конкретно от меня.

Но, как оказалось, совершенно ничего. Она всё сделает сама. Ей главное было убедиться, что я не стану возражать.

Она одна поинтересовалась, хочется или не хочется мне послужить моделью. Всем остальным это даже не приходило в голову. Люди не задумывались о том, что у меня могут быть какие-то свои чувства, мысли и пожелания. Порой ко мне относились как к цирковой обезьянке и думали, что я не замечаю этого. Некоторые воспринимали меня за дурачка, подобным образом интерпретируя моё природное добродушие. Как известно, каждый воспринимает других в соответствии с собственными представлениями.

Глициния же была другая. В ней вовсе отсутствовали лицемерие и сокрытые мотивы. Она была пряма и честна. Она была чиста.

У меня очень много поклонников. Многие мне пишут. Конечно, её просьба выветрилась у меня из головы. Я и думать забыл о том, что был назначен в модели.

Вспомнил об этом лишь, когда она вновь написала мне спустя, наверное, полтора-два дня молчание, но, как оказалось, по совершенно другой теме, точнее, проблеме.

«Добрый день, Азиз! Извините, что беспокою. Понимаю, что вы можете быть заняты. Я сама сомневалась, писать вам или нет. В общем, вам никто не докучает разными глупостями в отношении нас?»

Я призадумался. Разных неадекватных личностей хватает у всех, кто ведёт свои страницы публично, но у Глицинии, несмотря на всю красоту её изделий, не было и сотни подписчиков. А что-то явно произошло. Она впервые столкнулась с какой-то неприятностью, потому и написала мне.

«Добрый день, Глициния! Я не вполне вас понимаю. Не могли бы вы уточнить подробнее, о чём речь?»

Спустя некоторое время пришёл ответ от неё.

«Помните, некоторое время назад мы с вами спорили по теме непостоянства изменений? Пару дней назад на мои ответы вам среагировала какая-то дамочка. Начала писать колкости. Потом, видимо, побывала на моей странице, увидела наш с вами совместный снимок (когда вы мне его переслали, я решила его опубликовать) и уже начала мне писать лично. Разные гадости и намёки. Не хотелось бы, что бы она и вам начала писать что-то подобное».

Сообщение своё она составила очень деликатно, но я всё же уловил между строк, что навязчивая персона сильно ей докучает. Я решил разобраться, в чём дело. Всё-таки и моя доля вины была во всём этом. Нам не стоило спорить публично так ожесточённо, следовало перейти на приватное обсуждение. Я прекрасно помнил этот спор.

Она отстаивала своё мнение с жаром и пылкостью, что меня забавляло. В этом споре, который я затеял и продолжал намеренно, я смог лучше постичь её натуру, а это было необходимо, чтобы также разобраться и в себе. Девушки, желающие мне понравиться, либо сразу приняли бы все мои возражения, либо чуть позже, для видимости поупрямившись, но не факт, что внутри они были бы согласны со мной полностью, тем более что я порой целенаправленно придерживаюсь не вполне правильных аргументаций и выводов в надежде, что кто-либо осмелится поправить меня. Но прежде этого не случалось. До Глицинии. Она, убеждённая в своей правоте, отстаивала свою точку зрения, как могла. Несколько девушек даже поддержали меня, а её – никто, но она всё равно до конца оставалась собой. И меня это порадовало.

В своём сердце я почувствовал доселе не испытанное чувство ликования по отношению к другому существу. Неприкрытая истина встретила меня в этом грязном порочном мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.